

**Региональный этап Всероссийской олимпиады школьников
по обществознанию 2015 г.
9–11 классы**

**2-й тур
Сочинение-эссе**

Критерии оценивания

1. Понимание темы и соответствие ей содержания работы:

- а) умение выделять проблему;
- б) умение обосновать ее значимость для общественных наук и социальной практики;
- в) выделение аспектов проблемы и понимание связи между ними;
- г) соответствие содержания работы заявленной теме.

2. Умение сформулировать и обосновать вашу собственную точку зрения при раскрытии темы.

3. Владение теоретическим и фактическим материалом по теме:

- а) внутреннее смысловое единство, согласованность ключевых тезисов и утверждений, непротиворечивость суждений, отсутствие пробелов в аргументации;
- б) опора на научные теории, владение понятиями курса;
- в) опора на факты общественной жизни, личный социальный опыт;
- г) использование примеров из всемирной и отечественной истории;
- д) использование примеров из произведений мировой культуры (литература, театр, кино, живопись, музыка и т.д.)
- е) уместность приводимых аргументов.

4. Умение сформулировать основные выводы по итогам рассмотрения темы.

Темы

(выбрав тему, пожалуйста, напишите, с точки зрения какой дисциплины — культурологи, политологии, социологии, философии, экономики, юриспруденции — вы по-преимуществу будете ее рассматривать)

«Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует».

Лао-Цзы

«Не всякая правда — красота, но всякая красота — правда».

К. С. Станиславский

«Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство».

А. И. Герцен

«Истинное величие зиждется на осознании своей силы; ложное величие — на осознании слабости других».

И. Г. Гердер

«Многознание уму не научает».

Гераклит

«В тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем».

Б. Мандевиль

«Обычай — лучший толкователь закона».

Юлий Павел

«Если бы Бога не было, его стоило бы выдумать».

Вольтер

«Решенное судом дело принимается за истину».

Домиций Ульпиан

«Меньшинство может быть право, большинство всегда ошибается».

Г. И. Ибсен

«Освобождение от заблуждений делает нас мудрее, чем открытие истины».

К. Л. Бёрн

«Убогий человек, не имеющий ничего, чем бы он мог гордиться, хватается за единственно возможное и гордится нацией, к которой он принадлежит».

А. Шопенгауэр

«Культура — это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом».

Ф. Ницше

«Деньги — одно из величайших орудий обретения свободы, придуманных человеком».

Ф. фон Хайек

3-й тур

Дорогие участники олимпиады, вам предлагается текст для критического анализа.

1. Укажите основную проблему, поднятую автором текста, и выделите не менее четырех ее аспектов.

2. Охарактеризуйте предлагаемое автором решение проблемы, приведите аргументы автора и собственные эмпирические примеры (из разных сфер социально-гуманитарного знания), иллюстрирующие эти аргументы.

3. Укажите не менее двух научных подходов или теорий, в рамках которых была рассмотрена данная проблема.

Не забудьте, что научный текст предполагает грамотное использование терминов, понятий, классификаций, связность, системность, логичность построения, грамотность письменной речи.

Удачи!

Склонность людей ко взаимной помощи имеет такое отдаленное происхождение, и она так глубоко переплетена со всею прошлою эволюциею человеческого рода, что люди сохранили ее вплоть до настоящего времени, несмотря на все превратности истории. Эта склонность развилась, главным образом, в периоды мира и благосостояния; но даже тогда, когда на людей обрушивались величайшие бедствия, — когда целые страны бывали опустошены войнами, и целые населения их вымирали от нищеты, или стонали под ярмом тирании, — та же склонность, та же потребность продолжала существовать в деревнях и среди беднейших классов городского населения; она все-таки скрепляла их и, в конце концов, она оказывала воздействие даже на то правящее, войнолюбивое и разоряющее меньшинство, которое относилось к этой потребности как к сантиментальному вздору. И всякий раз, когда человечеству приходилось выработать новую социальную организацию, приспособленную к новому фазису его развития, созидательный гений человека всегда черпал вдохновение и элементы для нового выступления на пути прогресса все из той же самой, вечно живой, склонности ко взаимной помощи. Все новые экономические и социальные учреждения, поскольку они являлись созданием народных масс, все новые этические системы и новые религии, — все они происходят из того же самого источника; так что этический прогресс человеческого рода, если рассматривать его с широкой точки зрения, представляется постепенным распространением начал взаимной помощи, от первобытного рода к агломератам людей, все более и более обширным, пока, наконец, эти начала не охватят все человечество, без различия вер, и языков рас...

В течение следующих трех столетий, государства, как на континенте, так и на Британских островах, систематически уничтожали все учреждения, в которых до того находило себе выражение стремление людей ко взаимной поддержке. Деревенские общины были лишены права мирских сходов, собственного суда и независимой администрации; принадлежавшие им земли были конфискованы. У гильдий были отняты их имущества и вольности, они были подчинены контролю государственных чинов-

ников и отданы на произвол их прихотей и взяточничества. Города были лишены своих верховных прав, и самые источники их внутренней жизни: вече, выборный суд и выборная администрация, верховные права прихода и гильдии — все это было уничтожено. Государственный чиновник захватил в свои руки каждое звено того, что раньше составляло органическое целое. Благодаря этой роковой политике и порожденным ею войнам, целые, страны, прежде населенные и богатые, были опустошены; богатые и людные города превратилась в незначительные местечки; даже самые дороги, соединявшие города между собою, стали непроходимыми. Промышленность, искусство, знание — пришли в упадок. Политическое образование, наука и право были подчинены идее государственной централизации. В университетах и с церковных кафедр стали учить, что учреждения, в которых люди привыкли воплощать до тех пор свою потребность во взаимной помощи, не могут быть терпимы в надлежаще организованном государстве; что государство и церковь одни могут представлять узы единения между его подданными; что федерализм и «партикуляризм» были врагами прогресса, — и что государство — единственный пристойный инициатор дальнейшего развития. В конце восемнадцатого века короли на континенте Европы, парламент в Англии и даже революционный конвент во Франции, хотя и находились в войне друг с другом, сходились в утверждении, что в пределах государства не должно быть никаких отдельных союзов между гражданами, кроме тех, которые установлены государством и подчинены ему; что для рабочих, осмеливавшихся вступать в «коалиции», единственное подходящее наказание — каторга и смерть. — «Не потерпим государства в государстве!» Только государство и государственная церковь должны заботиться об общих интересах; подданные же должны оставаться малосвязанными между собою кучками людей, не объединенных никакими особенными узами, и обязанных обращаться к государству, всякий раз, когда они имеют какую-нибудь общую потребность. Вплоть до половины девятнадцатого века эта теория и соответственная ей практика господствовали в Европе.

Даже на торговые и промышленные общества глядели с подозрением. Что же касается рабочих, то еще на нашей памяти их союзы считались незаконными, даже в Англии; такой же точки зрения придерживались не далее, как двадцать лет тому назад, в конце XIX-го века, на континенте. Вся система нашего государственного образования вплоть до настоящего времени, даже в Англии, была такова, что значительная часть общества смотрела, как на революционную меру, если народ получал такие права, какими в средние века, пятьсот лет тому назад, пользовался всякий — свободный и крепостной, — на деревенском мирском сходе, в своей гильдии, в своем приходе и в городе.

Поглощение всех общественных отправлений государством неизбежно благоприятствовало развитию необузданного, узкого индивидуализма. По мере того, как обязанности граждан по отношению к государству умножались, граждане, очевидно, освобождались от обязанностей по отношению друг к другу. В гильдии, — а в средние века все принадлежало к какой-нибудь гильдии или братству, — два «брата» обязаны были поочередно ухаживать за больным братом; теперь же достаточно дать своему соседу адрес ближайшего госпиталя для бедных. В варварском обществе присутствовать при драке двух людей, возникшей из-за личной ссоры, и при этом не позаботиться, чтобы драка не имела рокового исхода, значило, навлечь на себя обвинение в убийстве; но, согласно теперешней теории всеохраняющего государства, присутствующему при драке нет нужды вмешиваться, — на то имеется полиция. И в то время, как у дикарей, — например у готтентотов, — считалось бы неприличным приняться за еду, не прокричавши троекратно приглашения желающему присоединиться к трапезе, у нас почтенный гражданин ограничивается уплатою налога для бедных, предоставляя голодающим распорядиться, как им угодно. В результате, везде — в законе, в науке, в религии — торжествует теперь теория, гласящая, что люди могут и должны добиваться собственного счастья, не обращая никакого внимания на чужие нужды. Это стало религиею нашего времени, и люди, сомневающиеся в ней, считаются опасными уто-

пистами. Наука громко провозглашает, что борьба каждого против всех составляет руководящее начало природы вообще, и человеческих обществ в частности. Именно этой борьбе биология приписывает прогрессивную эволюцию животного мира. История рассуждает таким же образом, а политикоэкономы, в своем наивном невежестве, рассматривают прогресс современной промышленности и механики, как «поразительные» результаты влияния того же начала. Самая религия церковей является религией индивидуализма, слегка смягчаемого более или менее милосердными отношениями к своим ближним — преимущественно по воскресеньям. «Практические» люди и теоретики, люди науки и религиозные проповедники, законоведы, и политические деятели, все согласны в одном, а именно, что индивидуализм, в его наиболее грубых проявлениях, можно, конечно, смягчать благотворительностью, но что он является единственным надежным основанием для поддержания общества и его дальнейшего прогресса.

Казалось бы, поэтому, делом безнадежным — разыскивать институции и практические проявления начала взаимной помощи в современном обществе. Что могло уцелеть от них? И все же, как только мы начинаем присматриваться, как живут миллионы человеческих существ, и изучаем их повседневные отношения, нас поражает, прежде всего, огромная роль, которую играют в человеческой жизни, даже в настоящее время, начала взаимной помощи и взаимной поддержки. Хотя вот уже триста или четыреста лет совершается, и в теории и в самой жизни, разрушение учреждений и обычаев взаимной помощи, — тем не менее сотни, миллионы людей продолжают жить при помощи этих учреждений и обычаев; они благоговейно поддерживают их там, где их удалось сохранить, и пытаются воссоздать их там, где они уничтожены. Мы переживаем, каждый из нас, в наших взаимных отношениях, моменты возмущения против модного, индивидуалистского символа веры наших дней, и поступки, при совершении которых люди руководятся своею склонностью к взаимной помощи, составляют такую огромную часть нашего повседневного обихода, что если бы возможно было внезапно положить им конец, то этим немедленно

был бы прекращен весь дальнейший нравственный прогресс человечества. Человеческое общество, в таком случае, не могло бы даже продержаться дольше чем жизнь одного поколения. Факты этого порядка, в большинстве случаев оставленные без внимания социологами, но, тем не менее, имеющие первостепенное значение для жизни и дальнейшего подъема человечества, мы и рассмотрим теперь, начиная с существующих установлений взаимной поддержки, и переходя затем к таким актам взаимной помощи, которые исходят из личных или общественных симпатий.

Окидывая широким взглядом современное устройство европейского общества, мы прежде всего поражаемся тем фактом, что, несмотря на все усилия покончить с деревенской общиной, эта форма единения людей продолжает существовать в обширных размерах, как видно будет из последующего, и что в настоящее время делаются многочисленные попытки, либо восстановить ее в том или ином виде, либо найти что-нибудь в замену ее. Ходячие теории буржуазных экономистов утверждают, что община умерла в Западной Европе естественной смертью, так как общинное владение землею было найдено несовместимым с современными требованиями возделывания земли. Но истина заключается в том, что нигде деревенская община не исчезла по доброй воле; напротив, везде правящим классам потребовалось несколько столетий настойчивых и не всегда успешных усилий, с целью искоренить общину и конфисковать общинные земли...